

ОТЦЫ И ДѢТИ XX ВѢКА.

Лекція А. А. Оомина, посвященная разбору двухъ драмъ минувшаго сезона: „Мѣщане“ и „Дѣти Ванюшина“, собрала, какъ сообщаютъ „Новости“, многочисленную публику въ залѣ Соляного Городка.

Лекторъ, говоря о сценахъ Горькаго, перенесъ центръ тяжести пьесы съ роли мѣщанства въ нашей жизни на рознь отцовъ и дѣтей и вслѣдствіе этого двѣ разсматриваемыя имъ драмы показались г. Оомину схожими, какъ два близнеца, настолько схожими, что только одновременное появленіе ихъ спасаетъ авторовъ отъ обвиненія въ плагиатѣ.

Вопросъ объ отцахъ и дѣтяхъ, о старой и новой правдѣ принадлежитъ къ тѣмъ вопросамъ, которые волновали наше общество и находили себѣ литературное отраженіе съ того времени, какъ сталъ пробуждаться въ немъ самоанализъ и развиваться самознаніе. Но, тогда какъ „отцы“ начала XIX вѣка видѣли въ новой правдѣ „дѣтей“ лишь блажь или „горе отъ ума“, позднѣйшія поколѣнія не могли уже по скотинински, „безъ всякихъ думъ“ стотрѣть на то, что дѣти идутъ по чужому имъ пути, и болѣе серьезное отношеніе, — какъ мы видимъ это въ романѣ Тургенева или въ драматической эпопее Островскаго, — смѣняетъ собою бывшее презрѣніе.

Отъ того, что старикъ Безсѣменовъ старается понять новыя вѣянія жизни, г. Оомину кажется одинъ лишь шагъ до того, что отцы поймутъ ихъ и признаютъ, — стоитъ имъ только объяснить, то новое, что должно прійти на смѣну ихъ устарѣвшей правдѣ. Не смущаетъ его оптимистической увѣренности даже хорошо извѣстная ему реплика птацелова Церчихина.

— „Старикъ, главное дѣло, упрямье! Онъ старикъ, и видитъ, что ошибся и чувствуетъ, что ничего не понимаетъ, но сознаться въ томъ—не можетъ. Гордость! Жилъ, дескать, жилъ, однихъ штановъ, можетъ, сорокъ шлукъ износилъ и вдругъ—понимать пересталъ! Обидно! Ну, онъ свое и долбитъ: „я старъ, я правъ“...“

Вторая часть лекціи, посвященная разбору типовъ дѣтей въ „Мѣщанахъ“—за исключеніемъ характеристикъ Нила и Елены Николаевны—не выдавалась надъ границей общаго мѣста.

Въ широкіхъ кругахъ читателей типъ здороваго, простаго и жизнерадостнаго машиниста—представителя жизнеспособной группы „дѣтой“ превозносился и идеализировался не меньше, чѣмъ любимъ изъ дѣйствующихъ лицъ

пьесы. Думали, въ такой личности—новая струя, которая смоетъ вѣковое всероссійское мѣщанство, сильное пока тѣмъ, что молодое поколѣніе не могло противопоставить ему своего положительнаго идеала.

Но самоувѣренность, упрямый задоръ и грубый эгоизмъ Нила ручаются за то, что если ему удастся „мѣсить жизнь по своему“, то лучшее, что онъ сдѣлаетъ— онъ разрушитъ старое Безсѣменовское мѣщанство, но устроить на его мѣстѣ жизнь, не многимъ отличную отъ жизни своего пріемнаго отца.

Можно скорѣе ждать, что такимъ людямъ, какъ Елена Николаевна, удастся примирить старую и новую правду. Ея сила и настойчивость въ борьбѣ направлены не на одно только разрушеніе. Какъ и у Нила, у ней есть желаніе настоящей непоказной жизни, есть жизнерадостность, и она вноситъ ее всюду, куда является; въ ней есть кромѣ того, то, чего совершенно не хватаетъ Нилу—чуткость къ человѣку и ненависть къ несчастію, и желаніе сломить его, уничтожить.

Существованіе такихъ людей, какъ Елена Николаевна, въ которыхъ найдется для свѣтлой радости лучъ солнцу золотого, для горькихъ слезъ—отвѣтная слеза, говоритъ за то, что примиреніе произойдетъ, что рознь будетъ длиться не вѣчно.